В.Н. Рудаков
(МГПУ)

Ретроспективный компромат: взгляд из XVI века на князей-современников ордынского нашествия

Русское средневековое сознание было весьма консервативно в своих оценках. А потому в большинстве случаев мнение, однажды высказанное о том или ином персонаже, с течением времени лишь уточнялось, дополнялось, но кардинально не менялось: «плюс» не становился «минусом» (и наоборот), нейтральный персонаж, а тем более положительный герой крайне редко превращался в главного злодея и т.д.

В XVI в., однако, в этой схеме произошли некоторые изменения. По крайней мере, в ряде произведений древнерусской книжности, созданных в указанный период и посвященных событиям, связанным с эпохой монголо-татарского нашествия, мы находим крайне негативную информацию о деятелях середины – второй половины XIII в. Эту информацию вполне можно назвать «ретроспективным компроматом», поскольку ранее – в произведениях предшествующих периодов – негативных оценок этих людей не встречалось.

Как кажется, анализ такого «ретроспективного компромата» способен дать дополнительную информацию о ценностных ориентирах той эпохи. Проще говоря, о представлениях людей XVI в. по поводу того, «что такое хорошо и что такое плохо» в отношениях с татарами или в отношениях, возникающих в связи с татарами. Собственно, одна из причин появления такого «компромата», видимо, состоит в том, что в этот период происходит переосмысление целого ряда событий и явлений прошлого. Появляются новые критерии такой оценки. В результате меняются представления и о некоторых деятелях предшествующей эпохи[1].

Речь, прежде всего, идет о двух князьях – о великом князе владимирском Юрии (Георгии) Всеволодовиче (1188–1238) и его

[1] См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Русские книжники XV–XVI вв. в поисках героев борьбы с татарами // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 194–197.

внучатом племяннике, ростовском князе Борисе Васильковиче (1231–1277).

На первый взгляд, биографии этих князей очень не похожи. Юрий – существенно старше: на момент рождения Бориса он давно уже – великий князь владимирский (кстати, ставший таковым в результате борьбы за власть со своим братом, дедом Бориса – ростовским князем Константином Всеволодовичем)[2]. Юрий погиб в ходе нашествия Батыя на реке Сити: великий князь был убит там вместе со своим племянником, отцом Бориса, – князем Васильком Константиновичем. Факт гибели Юрия и Василька получил весьма комплиментарное освещение в Лаврентьевской летописи, протограф которой, судя по всему, возник не позднее рубежа XIII–XIV вв.[3]

Борис, в отличие от своих погибших родственников, на протяжении всей своей жизни выстраивал весьма конструктивные отношения с татарами, неоднократно ездил в Орду и возвращался оттуда «с честью». Свою первую поездку он совершает в 1244 г. в возрасте тринадцати лет (через шесть лет после гибели Юрия и Василька), последнюю – в 1277 г.: Борис умирает во время этой поездки («князь же Борис Василковичь разболеся въ Орде, тамо и преставися»[4]). И, тем не менее, несмотря на различие княжеских судеб, оба – и Юрий, и Борис – получают весьма нелицеприятные характеристики под пером книжников XVI в.

Главный вопрос, который нас будет интересовать, – почему и откуда появляется «ретроспективный компромат» на этих князей? Судя по всему, причины и источники появления негативной информации в каждом из этих случаев свои.

Рассказ о Юрии Всеволодовиче содержится в т.н. «чудовской редакции» житийной «Повести о Михаиле Черниговском и боярине его Феодоре», погибших в 1246 г. в Орде**.**

«Чудовская редакция» представлена единственным списком (ГИМ, Чудовское собр., № 251/49, лл. 422-429), датируемым

---

[2] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1927. Стб. 439–441.

[3] См. подробнее: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 136–145; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно–историческое значение. М.; Л., 1947. С. 282–288; *Насонов А.Н.* Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII века // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 449–450; *Комарович В. Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 32–40; *Лурье Я. С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 66–67 и др.

[4] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С 75.

второй половиной XVI в.[5] Как отмечал еще Н.И. Серебрянский, отличительной особенностью этого варианта жития Михаила Черниговского является включение в него рассказов, не имеющих «прямого отношения к биографии святого»[6]. Одна из таких историй, «вкрапленных» в текст жития, посвящена великому князю Юрию Всеволодовичу.

В «чудовской редакции» Юрий показан весьма недостойным человеком: «Бе бо живущему свиньскы, въ мнозѣ кале грѣховнѣ и скврнѣ, в гордыни и властолюбии и в пианьствѣ и в зависти и в любодеании и в скупости и в немилосердии, въистинну скотско житие живыи, и обеща покаятися, но токмо словом единым»[7].

Известие о нашествии татар ввергает великого князя в «недоумение»: «смятеся оумом и страхом великым обьят бысть и омертвевъ сердцемъ», поскольку, отмечает книжник, «обычаи бо есть съгрѣшающим оумертвѣвати и немужьственно сердце имѣти»[8]. Не зная, как поступить, он идет к некоему благочестивому старцу по имени Каламирисо, который живет в пещере вблизи города. Однако тот отказывается разговаривать с погрязшим в грехах князем. На следующий день Юрий посылает к старцу свою дочь Феодору: ей-то пустынник и сообщает, что злоба великого князя «преодоле милосердие Владычно, уже бо не имат помилован быти, но злѣ имает погибнути и сущаа с ним». Дочь передает эти слова отцу, но Юрий не верит в предсказание старца. Ночью его посещает видение: над городом зарево, которое он сначала принимает за пожар, но потом понимает, что это сияние, исходящее от «образа Владычна». Думая, что это знак милосердия Божия, радостный Юрий отправляется к другому старцу, чтобы обсудить с ним увиденное. Однако тот огорчает князя: по его мнению, видение, посланное Юрию, – знак того, что Господь решил очистить оскверненное человеческими грехами место, излить на него свой гнев, и поэтому все живущие во Владимире обречены на гибель.

В итоге предсказания сбываются: Батый «съ многою силою агарянскою» убивает князя Юрия, «и вся сынове его и вся сродники его изби, и поплени всю землю суздальскую, Божиимъ попущениемъ, грѣх ради нашихъ, по пророчению святых старець»[9].

---

[5] Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 140–141.

[6] *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 49.

[7] Там же. Тексты. С. 81.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 82.

Н.И. Серебрянский полагал, что «в основе рассказа лежит народное предание о событиях завоевания северо-восточной Руси татарами, быть может, очень древнее». По мнению исследователя, составитель рассказа разделял критическое отношение к князю: «Чудовский редактор принадлежал к числу суровых и потому несправедливых судей исторического прошлого»[10].

Впрочем, некоторые основания критически переосмысливать деятельность князя у «чудовского редактора», по всей видимости, были. Самые ранние летописные рассказы о нашествии Батыя дают весьма противоречивую картину поведения Юрия в 1237–1238 гг.

С одной стороны, в рамках летописной традиции, восходящей к рассказу Лаврентьевской летописи (она сформировалась на ростовском и владимирском материале, вышедшем из-под пера земляков князя, к тому же, вероятно, творивших под контролем потомков Юрия Всеволодовича), о нем рассказывается как о человеке смиренном, благочестивом, как выясняется, заранее готовом на жертвенную смерть. Он сам себя называет «новым Иовом»: покинув Владимир, чтобы собрать полки на Сити, Юрий погибает, «кровью мученической» искупив прегрешения свои[11].

Впрочем, и в этой достаточно комплементарной для князя версии событий есть явные нестыковки. Например, в одном и том же месте Лаврентьевской летописи говорится о том, что Юрий «потщася Божья заповѣди хранити», в том числе и заповедь, в соответствии с которой следует «*добро творити ненавидящим вас*». И поэтому «безбожных татар» он «отпущаше одарены». При этом, отмечается в летописи, прежде «злии ти кровопиици» (так называет татар автор рассказа) «присылали послы свое, рекуще миритися с ними», но Юрий «того не хотяше, яко же пророкъ глаголетъ: *брань славна луче есть мира студна*»[12]. Очевидно, что эта заповедь должна была входить в явное противоречие с практикой одаривания неприятельских послов.

С другой стороны, в Новгородской первой летописи старшего извода, рассказ которой, наоборот, создавался явно без оглядки на владимирскую и ростовскую летописную традицию, а также на позицию потомков Юрия Всеволодовича, действия великого князя осмыслены в весьма критическом духе. Как отмечает летописец, «отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша». Возможно, поэтому, дает понять книжник, Юрий вовсе не намеревался собирать полки

---

[10] Там же. С. 51, 54.
[11] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 468.
[12] Там же, курсив мой. – *В.Р.*

против татар – он просто «бѣжа» из Владимира «на Ярославль». При этом никакой «битвы на реке Сити», по версии новгородского летописца, не было: убегающего князя татары догнали и убили. «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немь инии», - весьма двусмысленно отметил новгородец[13].

Впрочем, в последующей летописной традиции рассказы о Батыевом нашествии (по крайней мере, в той части, которая касалась поведения Юрия Всеволодовича), в основном опирались на версию Лаврентьевской летописи. Из Новгородской первой заимствовался лишь пассаж о том, что великий князь не услышал «мольбы рязанских князей» и не послал им помощь, сам желая «особь брань створити». Таким образом, новгородская версия о бегстве князя из Владимира не получила особого распространения. Точно так же не получили распространения и противоречивые сведения Лаврентьевской летописи о том, как на самом деле Юрий вел себя с татарскими послами. В итоге упор делался на то, что великий князь покинул столицу для того, чтобы собрать войска, а также на то, что его гибель искупила все его земные грехи[14].

На этом благостном фоне бытование текста, содержащего явный выпад в адрес великого князя, следует воспринимать как альтернативный взгляд на деятельность Юрия и его роль в разгроме русских татарами.

При этом составитель «чудовской редакции», очевидно, не опирался на версию, изложенную в Новгородской первой летописи. Именно поэтому в житийной повести о Михаиле Черниговском нет ни слова про бегство владимирского князя. Вероятно, имея под рукой такой материал, составитель «чудовской редакции» наверняка бы им воспользовался: рассказ о бегстве Юрия только усилил бы впечатление о его греховности, о состоянии страха и недоумения, в котором он пребывал. Но книжник об этом не написал. Значит, скорее всего, он не имел такой информации.

Можно предположить, что в отличие от «магистральной» летописной линии по прославлению Юрия Всеволодовича, берущей свое начало от владимиро-ростовского повествования о событиях 1237–1238 гг. и перешедшей потом в московское великокняжеское летописание, «чудовская редакция» (равно как и версия нашествия Батыя, представленная в Новгородской первой летописи) пред-

---

[13] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.;Л., 1950. С. 75–76.

[14] Наиболее показательный пример – официальная Никоновская летопись 30-х гг. XVI в. См.: ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 106–111.

ставляла собой сторонний, «местный» взгляд на произошедшие события.

Осмысливая указания русских летописей на то, что нашествие Батыя было карой «за грехи», составитель «чудовской редакции» (или его источника – в данном случае, не важно, письменного или устного), вероятно, посчитал возможным или даже имел основания усматривать персональную ответственность Юрия Всеволодовича за случившееся. В итоге великий князь стал носителем того самого «греха», за который и последовала расплата.

Вполне возможно, что это был суздальский взгляд на события 1237–1238 гг. Во Владимире или Ростове вряд ли стали бы так оценивать «своего» великого князя. В соседнем же Суздале, для которого Юрий мог быть даже не вполне «своим» (Суздаль долгое время входил в состав Нижегородско-Суздальского княжества), книжники, вероятно, были более свободны в оценках. Пример – «компромат» на ростовского князя Бориса Васильковича, появившийся в XVI в., в том числе и в Суздале.

Компрометирующий Бориса Васильковича Ростовского рассказ появляется сразу в нескольких памятниках.

Самая жесткая оценка князя Бориса содержится в Житии Евфросинии Суздальской, составленном, вероятно, в середине XVI в.[15] Согласно этому тексту, Евфросиния (именуемая в миру Феодулией) – дочь Михаила Черниговского, а, значит, родная тетка Бориса.

Спустя некоторое время после нашествия Батый начинает звать к себе князей. «Мнози же от князь приходящее поклоняхуся ему», – отмечает книжник. Среди этих «многих» оказывается и Михаил Всеволодович. Хан предлагает Михаилу «поклонитися кусту и идолом» и тем самым «чести сподобитися со отвергшимися Христа». Сделать это князя уговаривает и его внук Борис Ростовский: «Не погуби си доброты, благородия, сотвори волю цареву лестию, да не погибнетъ благодѣнствие твое и послѣди покаяшися»[16]. Далее, по версии автора Жития, Михаил поступает

---

[15] Обзор мнений см.: *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир, 1975. С. 103–104; *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России кон. XV – I пол. XVI в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1992. С. 65–70. Ср.: *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. 70; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 283–285.

[16] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978. С. 92.

совершенно неожиданным образом (по крайней мере, для тех, кто знаком с «канонической» версией его гибели в Орде): он «малодушьствовавше и хотяше прельститися»[17].

Но все меняет письмо Евфросиньи. Она, «слышав во своемъ монастыре, яко хощет отецъ ея велики князь Михаилъ прельститися, цареву волю сотворити и поклонитися кусту и снѣсти идоложертвеная», пишет Михаилу, отговаривая его от неблаговидного поступка. В итоге князь все-таки не идет на поводу у «безбожных», отказывается подчиниться царской воле и принимает мученическую смерть[18]. «Увы мне, како лукавого прелестника князя Бориса хотѣх послушати!» – восклицает Михаил Всеволодович перед кончиной.

В «письме Евфросинии», равно как и в Житии в целом, князь Борис Василькович получает весьма нелестную характеристику. «Изволил еси послушати льстивых словесъ – врага всякая правды, *друга дияволя* – князя Бориса Ростовского, иже самъ *окаянныи* недугом прелстися, падеся и тебѣ хощет прельстити; хощеши царю тлѣнному угодити, а *Христа отврещися*»[19], – пишет Евфросинья. Автор, таким образом, обвиняет Бориса не только в желании «прельстить» Михаила, но и в гораздо более тяжком грехе – измене православию.

В Житии сообщается, что после похода на Русскую землю «царь Батый, рыкая на православие», повелел «кланятися идолом и *вѣровати вѣру бесерменскую*»[20]. И «великий князь Борис Ростовский» (вопреки реальному положению дел, автор Жития называет его «великим» князем. – *В.Р.*) «сотворшу волю его» – то есть не просто поклонился идолам, но и принял мусульманскую («бесерменскую») веру. За это Батый «воемъ» своим «заповѣдати

---

[17] Там же. С. 92–93. «Не исключено, – полагал А.О. Амелькин, – что этим приемом агиограф хотел подчеркнуть и усилить идею возможности и необходимости выбора в противостоянии захватчикам между бескомпромиссным неприятием новых порядков и согласием с ними» (*Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004. С. 114).

[18] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв. Учебное пособие. С. 94–97.

[19] Там же. С. 93.

[20] Вторая часть «повеления» явно не имела отношения к реальности, поскольку Батый был язычником и не исповедовал ислам: очевидно, это преувеличение понадобилось автору «Жития» для более полного раскрытия образа Батыя как врага православия.

да преминут (т.е. обойдут стороной[21]. – *В.Р.*) града Ростова» и одарил Бориса. Таким образом, еще до поездки Михаила в Орду князь Борис оказывается в числе тех, кто поступился принципами и изменил вере, поддавшись «прельщениям» татар. «Ини же многие, – сообщает далее агиограф XVI в., – зрящее сицевое, прелстишася, сотвориша волю цареву. Царь же честь имъ воздавшее прелестную, яко же и князю Борису Ростовскому, и отпущаше их на своя вотчины»[22].

Почему в памятнике, составленном в середине XVI в., появились столь негативные характеристики князя Бориса Ростовского, жившего в середине XIII в., и, казалось бы, порядком подзабытого за три столетия? Судя по всему, критические отзывы о поведении ростовского князя стали результатом переосмысления предшествующего исторического нарратива, посвященного судьбе Михаила Черниговского и роли князя Бориса в тех событиях, которые разворачивались в 1246 г. в ставке Батыя.

Одно из ранних упоминаний о пребывании в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича и его внука – ростовского князя Бориса Васильковича содержится в Лаврентьевской летописи, которая в этом месте передает недошедший до нас ростовский источник[23]. Под 1246 (6755) г. в Лаврентьевской упоминается, что «Михаило князь Черниговьскыи со внукомъ своимъ Борисом поѣхаша в Татары». Как сообщает летопись, «посла Батыи к Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ. Михаило же князь не повинуся велѣнью ихъ, но укори и и глухыя его кумиры и тако безъ милости от нечестивыхъ заколенъ бысть и конець житью приятъ… Батыи же князя Бориса отпусти и къ Сартаку, сыну своему. Сартак же почтивъ князя Бориса, отпусти я в своя си»[24].

Южнорусская Ипатьевская летопись несколько иначе рассказывает об этой поездке. Совсем не упоминая князя Бориса, она сообщает, что Михаил, вернувшись в Чернигов из «Оугры», «еха Батыеви, прося волости своее от него. Батыеви же рекшоу: “поклонися отець нашихъ законоу”. Михаил же отказался от выполнения этого требования: «Аще Богъ ны есть предалъ и

---

[21] См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 279.
[22] См.: *Колобанов В.А.* Указ. соч. С. 91.
[23] *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 282. Ср.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969. С. 193–198; *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 32.
[24] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 471.

власть нашоу грѣхъ ради нашихъ во роуцѣ ваши, тобѣ кланяемся, и чѣсти приносим ти, а законоу отець твоихъ и твоемоу богонечестивомоу повелению не кланяемься». Батый же, сообщает Ипатьевская, «яко свѣрпыи звѣрь возьярися, повелѣ заклати, и закланъ бысть безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивымъ, и с нимъ закланъ бысть бояринъ его Феодоръ, иже мученическыи пострадаша, и восприяста вѣнѣчь от Христа Бога»[25].

Время появления ранних летописных рассказов о поездке великого князя в Орду (вторая половина XIII в.) примерно совпадает со временем создания проложных сказаний о гибели в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Эти тексты дошли до нас в значительном количестве списков, относящихся к нескольким основным редакциям. Самой ранней из них считается краткая, по терминологии Н.И. Серебрянского, «ростовская» редакция Сказания, имеющая ряд характерных особенностей.

Во-первых, в ней не указывается, каким образом Михаил Всеволодович оказался в Орде. Здесь лишь говорится о том, что после нашествия татары посадили князей «по городомъ», «изочтоша я в число», после чего «начаша звати я (т.е. князей. – *В.Р.*) ко царю своему, глаголемому Батыю, и начаша я лстити, веляче ити сквозѣ огнь и кланятися солнцу (и) идоломъ, и прельстиша многи славою пустошною мира сего»[26]. Михаил же (можно догадываться, что он тоже был призван к Батыю, хотя прямо об этом не говорится) сказал: «Не створю азъ, не иду сквозѣ огнь, не кланяюся твари, но кланяюся Отцю и Сыну и Святому Духу, а цесарю вашему кланяюся, понеже поручи ему Богъ цесарство света сего»[27]. За отказ повиноваться он был убит.

Во-вторых, в «ростовской» редакции, как и в Ипатьевской летописи, не содержится упоминания, что вместе с Михаилом и Феодором в Орде находился ростовский князь Борис Василькович. В ней лишь говорится, что Борис вместе с братом Глебом и матерью Марией (дочерью Михаила Всеволодовича) воздвигли церковь «во имя» черниговского князя, положив тем самым начало его почитанию в качестве святого. Здесь же содержится обращение к святому помолиться «за внука своя Бориса и Глѣба» и «мирно державу царствия ихъ оуправити на многа лѣта и от нужа сея поганых избавити я»[28].

---

[25] Там же. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 795.
[26] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. Тексты. С. 50.
[27] Там же. С. 51.
[28] Там же.

Судя по всему, «ростовская» редакция была составлена на родине Бориса Васильковича еще при его жизни – в 60–70-е гг. XIII в.[29] Вероятно, несколько позднее (но не позже 1313 г. – времени, которым датируется один из ранних списков) появляется протограф пространных проложных редакций[30].

Эти источники несколько иначе трактуют обстоятельства появления Михаила в Орде, а также поведение его внука Бориса Васильковича. Во-первых, в них содержится принципиально иная версия причин появления Михаила в Орде, а именно указывается, что Михаил поехал в Орду не по зову хана, а по собственной воле, и не за властью, коей татары прельщали русских князей, а совсем для другого – чтобы обличить «прельщения поганых». «Начаша ихъ (князей. – *В.Р.*) звати татарове ноужею, глаголаше: не подобаеть жити на земли канови, и Батыевѣ не поклонившеся има… Мнози же князи с бояры своими идяхоу сквозѣ огнь и поклоняхоуся солнцю и кустоу, и идолом, славы ради свѣта сего, и прашахоу кождо ихъ власти, они же безъ взбранения даяхуть имъ… Блаженомоу же князю Михаилоу пребывающю в Черниговѣ, видя многи прелщающася славою свѣта сего, посла Богъ благодать и даръ Святого Духа на нь и вложи ему въ сердце ѣхати предъ цесаря и обличити прелесть его, ею же лстить крестьяны»[31]. Именно массовый характер таких «прельщений» и заставил Михаила отправиться на верную смерть: в обличении этих «прельщений» он видел и свой христианский долг, и залог своего будущего спасения[32].

---

[29] *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 27; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 5–14.

[30] Подробнее об отношениях краткой «ростовской» и пространных редакций см.: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 15–18. Под пространными редакциями имеются в виду (по терминологии Н.И. Серебрянского) «редакция с именем отца Андрея», «редакция с именем епископа Иоанна», распространение «редакции отца Андрея» и сокращение «редакции епископа Иоанна». См.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 114–119.

[31] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. Тексты. С. 55–56.

[32] Это вполне понятно, ведь льстивость – неотъемлемая черта «нечестивых»: «нечестивый народ» «придет без шума и лестью овладеет царством», а «поступающих нечестиво против завета привлечет к себе лестью» (Дан. 11:21, 32). По мнению Ефрема Сирина, антихрист, во времена, когда «исполнится нечестие мира», «духом лести» будет искушать людей и «обольщать мир своими знамениями и чудесами по попущению Божию». В этой ситуации, – писал В. Сахаров, – «великий подвиг нужен для верных, чтобы устоять против совершаемых обольщений». См. подробнее: *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и

Во-вторых, в пространных редакциях сообщается, что внук Михаила Черниговского, Борис Ростовский, сопровождал деда в этой поездке, и более того – уговаривал его выполнить волю «царя»: «Глаголя ему внук его Борис князь ростовский с плачем многим: “Господине-отче, поклонися!” Так же и бояре глаголаху: “Вси за тя приимем опитемью со всею властию своею”»[33]. Однако Михаил Черниговский вероотступничеству предпочел мученическую смерть: «Тогда глаголя имъ Михаилъ: “Не хощю токмо именемь христянъ зватися, а дѣла поганых творити”»[34].

Появление князя Бориса среди тех, кто в ставке Батыя пытался уговорить Михаила Всеволодовича пойти на сговор с собственной совестью, косвенно свидетельствует о том, что протограф пространных проложных сказаний создавался в иной среде, чем краткая «ростовская» редакция» произведения. И эта среда, скорее всего, была настроена явно критически по отношению к Борису.

Впрочем, в проложных редакциях Жития прямых осуждений персонально в адрес Бориса не было. Негативная характеристика, скорее, давалась всем поддавшимся татарским «прельщениям» ради «славы света сего скороминующего». Книжники сетовали по поводу того, что русские князья предпочли власть, которую можно было сохранить, лишь пойдя на компромисс с совестью, а не христианские идеалы: им остались верны лишь Михаил Всеволодович и его боярин Феодор. Тем не менее, рассказ о поведении Бориса в версии проложных редакций Сказания лег в основу дальнейших интерпретаций.

Совсем иную трактовку поведение Бориса приобретает спустя три столетия – в середине XVI в. Интересно при этом, что Житие Евфимиии Суздальской было не единственным произведением, в котором осуждался князь Борис Ростовский. Компрометирующий Бориса Васильковича рассказ появляется также в Лицевом летописном своде (1568–1576 гг., Лаптевский том, в основе которого лежит текст Никоновской летописи) и Степенной книге царского родословия (1560–63 гг.).

Уже в Никоновской летописи уговоры Бориса приобретают несколько иной оттенок. В отличие от пространных проложных редакций Сказания, в которых Борис просит Михаила выполнить

сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84.

[33] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. Тексты. С. 57.

[34] Там же. С. 57, 66. Очевидно, что Михаил и его «соблазнители» говорят как будто на разных языках: для него поклонение идолам равносильно измене христианству, для них же – это всего лишь грех, наказанием за который служит наложение епитимьи.

«волю цареву» и тем самым сохранить себе жизнь, в версии Никоновской Борис с боярами ратует за сохранение не только жизни великого князя, но и собственных жизней.

«Редакция с именем отца Андрея»	**Распространение «редакции отца Андрея»**	**«Редакция с именем епископа Иоанна»**	**Никоновская летопись**
«Глаголя ему внук его Борис князь ростовский с плачем многим: “Господине-отче, *поклонися*!” Так же и бояре глаголаху: “Все за тебя примем епитемью со всею властью своею”»[35].	«Глаголя ему Борисъ князь ростовскии с плачемъ многимъ: “Господине-отче, *створи волю цареву!*” Тако же и бояре глаголаху: “Вси за тя приимемъ опитемью со всею властию своею”»[36].	«Тогда реч емоу Борисъ князь ростовьски с плачемъ многимъ: “Господине-отче, *поклонися – жывъ будеши*!” Тако же и бояри глаголахоу: “Вси, господине, зя приимемъ епитемию со всею областию”»[37].	«Приступи къ нему внукъ его князь Борисъ Василковичь Ростовский со многими слезами и съ плачемъ, и иныи мнози Русстии князи з бояры своими съ плачемъ и сос слезами глаголаша ему, *да сътворить волю цареву: “Да не погибнеши ты, и мы тебе ради*; вѣсть бо Господь Богъ, яко неволею сие сътвориши, егда же взратимся въ свою землю, и мы вси всею землею возмемъ сей грѣхъ на себя, и во всей земли държимъ сию епитемью за тебя, и многа блага сътвориши Русской земли и всѣмъ намъ”»[38].

А в Лицевом своде и в Степенной книге появляются уже прямые выпады в адрес Бориса Васильковича.

[35] Там же. С. 57
[36] Там же. С. 66.
[37] Там же. С. 61.
[38] ПСРЛ. Т. 10. С. 132.

Во-первых, указывается, что «смущает» великого князя не кто иной, как дьявол, который действует не только через «мучителей» Михаила (т.е. татар), но и через «своеплеменныхъ» (они, подчеркивает книжник, «паче враговъ» творят «лютейшее смущение»). И один из искусителей – внук Михаила, князь Борис («диаволъ сугубы и зѣлны сѣти святому простирати спѣшаше, не точию мучителя на нь възяри, и варварьскую бурю въздвиже, но паче враговъ и отъ своеплеменныхъ лютѣишее смущение творя», – замечает книжник. Не только посланные Батыем «искусители», но и «князи Русстии мнози обсѣдяще» Михаила[39]).

Во-вторых, про Бориса говорится, что он оказался плохим сыном своего отца – погибшего от рук татар князя Василька Константиновича. «Душю си повредивъ», он дает «не добре» советы Михаилу и соблазняет его: «Единъ же отъ тѣхъ ласкателей князь Борисъ, на того бо тогда Ростовъское начальство преиде, и не исправися ходити по стопамъ отца своего, святаго и добропобѣднаго мученика и исповѣдника князя Василиа, рекомаго Василка, сына Констянтинова, иже мало преже сего отъ того безбожнаго царя Батыя страданиемъ скончася за исповѣдание Христово, тако сий князь Борис и съ прочими съ начальствомъ и душю си повредивъ свѣтлому же Михаилу не добрѣ совѣщеваху: “Да сътворить волю цареву, да нет погыбнеши, рече, здѣ, и мы съ тобою; можеши бо и лестию сотворити волю цареву, токмо да избавишися ярости его”»). Михаил же, отмечает летописец, не соглашается, «диаволя сѣти, иже отъ устъ несмысленыхъ друговъ протязаемы, якоже паучинныя мрежа, растерзая»[40].

Под пером книжников выходило, что науськиваемый врагом рода человеческого Борис искушал святого мученика в самый ответственный момент его земного служения, и, тем самым, фактически встал не только на сторону Батыя, но и на сторону дьявола. Именно за это он, наряду с другими русскими князьями, получил из рук «безбожного» хана «славу света сего скороминующего» – то есть власть над ростовской землей.

Итак, в отличие от «чудовской редакции», в которой источником «компромата» на Юрия Всеволодовича мы (вслед за Н.И. Серебрянским) вынуждены считать «народную традицию», рассказ о гибели в Орде Михаила Черниговского в версии Лицевого свода и Степенной книги, а также в версии жития Евфросинии Суздальской являют собой результат переосмысления сведений, содержащихся в произведениях письменности.

---

[39] Там же. С. 241.
[40] Там же.

Если «чудовскую редакцию» можно считать единственным документом, «компрометирующим» Юрия, то официальный статус Лицевого свода, а также обилие списков Жития Евфросиньи (около пятидесяти[41]) дает основания полагать, что в общественном мнении XVI в. число тех, кто считал уговоры Бориса Васильковича недостойным поведением, все же превышало число «ретроспективных недоброжелателей» Юрия Всеволодовича.

Подобная трактовка событий, возможно, связана и с самими поступками князей, и с их участью. Юрий погиб от рук татар (искупил вину кровью – на это прямо указывала еще Лаврентьевская летопись), Борис же умер своей смертью: и в этом смысле его расплата за грехи не столь очевидна. Тем более, самое большое, что мог инкриминировать Юрию книжник XVI в. – это некая абстрактная греховность, расплата за которую (в виде нашествия Батыя), распространилась на всю Русскую землю. Борис же, судя по всему, оказался повинен в куда более тяжком преступлении – искушении святого мученика. К тому же, наряду с другими русскими князьями, Борис предпочел получить из рук Батыя власть – «славу света сего скороминующего». Стяжание же «славы света сего» – это именно то, чего настоящий праведник должен был всячески избегать. Так поступает не только Михаил Всеволодович, но и его духовные предтечи – первые русские святые Борис и Глеб (житие Михаила имеет немало перекличек с их житием[42]). Именно к этому призывали и Отцы Церкви, отрывки из сочинений которых являлись непременной частью русских четьих сборников – Златоструя и Измарагда. Не исключением был и тот «Измарагд», в составе которого до нас дошел единственный список «чудовской редакции» житийной повести о Михаиле Черниговском[43].

---

[41] *Колобанов В.А.*Указ. соч. С. 103.

[42] «Аще поиду въ домъ отьца своего, то языци мнози превратять сьрдьце мое, яко прогнати брата моего, яко же отьць мои преже святаго крещения, *славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины*. То камо имать приити по ошьствии моемь отсюду? Какъ ли убо обрящуся тъгда? Кыи ли будеть отвѣть? Къде ли съкрью мъножьство грѣха моего?», – вопрошает перед смертью князь Борис. Его слуги восклицают: «Како не въсхотѣ *славы мира сего*, како не въсхотѣ веселитися съ чьстьными вельможами, како не въсхотѣ величия, еже въ житии семъ». См.: ПЛДР. XI – начало XII века. М., 1978. С. 282, 288 (курсив мой. — *В.Р.*).

[43] См.: ГИМ, Чудовское собр., № 251/49, лл. 110 об., 114, 132 и др. Подробнее см.: *Пудалов Б.М.* Литературная история 1-й («древнейшей»)

Впрочем, при всем различии обстоятельств жизни и смерти Юрия Всеволодовича и Бориса Васильковича было и то, что их объединяло. По крайней мере, в глазах авторов произведений, в которых им была отведена роль крайне отрицательных персонажей. Объединяющим началом служило сомнительное поведение, присущее, по мнению книжников, обоим князьям. При этом своеобразным мерилом могли считаться поступки другого их родственника – Михаила Всеволодовича Черниговского, на фоне которого и Юрий, и Борис выглядели не в самом лучшем свете. Возможно, не случайно «компромат» на князей появляется в произведениях, так или иначе связанных с рассказом о мученической кончине святого князя….

XVI век внес очень серьезный вклад в осмысление всей предшествующей истории России. В этот период завершается важный этап в формировании Русского государства, и, одновременно, – создание исторических нарративов, призванных зафиксировать новые идеологические воззрения на прошлое и настоящее Московской Руси. Эти идеи находят выражение в целом ряде памятников, прежде всего, в масштабных летописных проектах (Никоновская летопись, Лицевой свод и др.), а также публицистических и полемических произведениях.

Смысл новых идеологем – подтвердить и укрепить высокий статус и предназначение Русского государства. Решение этих задач не могло обойтись без уточнения и переоценки тех исторических сюжетов, которые касались отношений Руси и Орды. Формирующееся Русское царство, вырастая на обломках «поганых» татарских «царств», нуждалось не только в обосновании своей легитимности, но также в собственных героях и «антигероях», проявивших себя в годы вынужденной зависимости от ныне низвергнутой Орды[44].

редакции Измарагда // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 76–95.

[44] Подробнее см.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 387–391; *Рудаков В.Н.* В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV–XVI вв. // Вестник славянских культур. 2012. № 1 (XXIII). С. 57–61.